

Дианализ — новая система интегративной психотерапии в наркологии

ЗАВЬЯЛОВ В.Ю. д.м.н., профессор, кафедра психотерапии и психологического консультирования ФУВ,
Новосибирская государственная медицинская академия

Раскрываются основные понятия и принципы разработанной автором новой системы интегративной психотерапии. Алкоголизм с самого начала представляется автору как болезнь личности, а не болезнь мозга. Поэтому цель и сущность предлагаемого метода — эффективная помощь больному с зависимостью от психоактивных веществ (ПАВ) путем дополнения клинического анализа состояния больного иными способами изучения и понимания личности, борющейся с болезнью или сдавшейся ей. В качестве одного из "модельных описаний" личности больного алкоголизмом для ее максимального познания автором в его системе дианализа используются понятия и принципы не марксистско-ленинской диалектики, а диалектики "последнего русского философа" А.Ф. Лосева — его необыкновенно точное по логике и конструктивное по форме учение о пентактиде ("логический скелет Бытия") и учение о мифе, которые помогают полнее раскрыть "персональный миф" пациента. Дианалитический метод, в отличие от известного в наркологической практике клинко-психологического, открывает возможность создавать любые интерпретации изменения поведения и душевной организации пациента и тем самым точнее формулировать "терапевтическую идею" и выстраивать терапевтическую логику психотерапии в процессе непрерывного диалога профессионала, работающего с больным алкоголизмом. Освещаются перспективы использования дианалитического подхода в рамках современных парадигм проблемы алкогольной зависимости.

В настоящем сообщении приведен краткий очерк о складывающейся системе интегративной психотерапии и психологического консультирования под названием *дианализ*. Это название изобретено автором в 1998 году как неологизм для того, чтобы данный метод не ассоциировался с известными "модальностями" психотерапии и многочисленными авторскими инновациями этих "модальностей". Система интегративной психотерапии дианализ вырабатывается на семинарах, демонстрациях, обсуждениях в режиме "Сократического диалога" со слушателями. Автор дорожит данной формой выработки метода. Это не кабинетная работа ученого, не компиляция из чужих учебников, не "высасывание из пальца", а живой диалог с носителями проблем и с теми, кто собирается профессионально бороться с психической патологией. Базисная идея такого рода работы заключается в следующем определении психотерапии: *психотерапия есть усовершенствованный современной психотехникой философский спор об истине*. Еще более простое определение психотерапии в дианализе следующее: *психотерапия это то, чем занимается психотерапевт на работе*. В этом определении нет никаких противоречий и туманных конструкций вроде "чуткой заботы о душе" и подобных определений. От психотерапевта на работе требуется, чтобы он занимался своим делом максимально эффективно, был внутренне очень хорошо организован и собран.

Дианализ основан на традиционной российской школе философствования, которая начинается с "русского Сократа" (сейчас — украинского) Григория Сковороды и заканчивается А.Ф.Лосевым, "последним русским философом". Метод известен на слух любому грамотному человеку — диалектика! Однако речь идет не о "марксистско-ленинской диалектике" (гегелевской, рационалистической диалектике), а о диалектике, которую еще очень мало знают. А. Ф.Лосев называл ее "Абсолютной диалектикой".

Уникальное в дианализе — это применение учения А.Ф.Лосева о пентактиде (тетрактиде) в практической психотерапии. До сих пор не известны подобные факты ни в отечественной литературе, ни, тем более, в зарубеж-

ной. Тексты А.Ф.Лосева невообразимо абстрактны, на первый взгляд, но необыкновенно точны по логике и конструктивной форме. Они выстраиваются как величественное "здание Смысла" и очень напоминают храмовую архитектуру, составляют "логический скелет Бытия", как любил выражаться о диалектике А.Ф.Лосев. Без такого логического скелета жизнь растекается бесформенными потоками и исчезает в обыденности, как вода в зыбучих песках. Учение о пентактиде и есть фундамент дианализа — Первая Универсалия Дианализа.

Исходная диалектическая триада Одно-Сущее-Становление повторяется, как настаивал А.Ф.Лосев, в любом опыте, любом мировоззрении, если, конечно, не отклоняться от диалектических требований. Мыслить диалектически означает мыслить предмет так, чтобы категории мышления повторялись друг в друге, чтобы они выводились одна из другой, чтобы каждая категория рассматривалась в свете другой. Только в таком мышлении реальность выражает себя полно, становится "заговорившей реальностью".

Триипостасное бытие Абсолюта дополнено А.Ф.Лосевым двумя новыми моментами — софийным и ономатическим, поэтому речь и идет о тетрактиде и пентактиде. В его ранних работах речь идет о тетрактиде, в которой ономатическое пятое начало еще терминологически не было закреплено, хотя и имелось уже.

Тетрактида А — Божественное бытие, тетрактида Б — тварное бытие. Такое разделение тетрактид позволяло А.Ф.Лосеву в рассуждениях не отождествлять Бога с тварным миром. Между ними нет причинно-следственных связей и эманации ("смыслового перетекания"), поэтому диалектика А.Ф.Лосева перекрывает любые лазейки для пантеизма, то есть представлений о непосредственной связи тварного мира (человека) с Богом, на чем стоят мистика, оккультизм, парапсихология, астрология. С другой стороны, что наиболее важно для практической психотерапии, пентактида запрещает "удваивать" человеческую личность: такой тип мышления исключает саму возможность углядеть в одной личности другую, допустить само-

стоятельное существование "субличностей", "второго Я" и т.д. Религиозная основа диалектики А.Ф.Лосева — синтез исихазма и платонизма, который, по его мысли, мог преодолеть свойственные русской философии соблазны пантеизма и панентизма. Речь идет о самом сложном аспекте религиозно-философского обоснования энергетической (смысловой) связи между Богом и тварным миром, то есть человеком. Миф и Имя — абсолютные формы Богообщения.

В работе "Диалектика художественной формы" А.Ф. Лосев дает в кратком виде диалектическую систему основных категорий:

Первое начало пентактиды выше всяких определений и выше сущности, и есть некая неделимая точка индивидуальности. Это еще не категория, но лишь принцип категориальности. Это Одно.

Второе начало есть противопоставление единичности иному, то есть многому. Это чистая инаковость, чистое не-одно. Второе начало есть полная и устойчивая определенность и расчлененность. Второе начало дает категории эйдос, топос, число.

Третье начало есть синтез первых двух начал и есть алогическое становление одного: иное одного становится иным иного. Третье начало дает категории "Величина", "Пространство", "Время".

Четвертое начало есть противопоставление становлению, это ставшее, факт, наличность. Ставшее есть то, что становится фактом, несущим на себе весь триадный смысл целиком. Четвертое начало дает категории "Вещь", "Качество", "Количество" (при воплощении второго начала); "Тело", "Место", "Движение" (при воплощении третьего начала); "Массу", "Объем", "Плотность" (при воплощении первого начала).

Пятое начало, или момент, есть то, что не становится, а именно — Символ или Выражение ставшего в ином. Пентактида, следовательно, есть становящееся Понимание, то есть Слово, в котором выражается пентактида. Пентактида, по мысли А. Ф. Лосева, есть вполне законченное определение мыслимого и сущего вообще. Дальнейшее выведение категорий методом диалектического противопоставления ведет к дроблению факта, к его частичным проявлениям и частичному же отражению первой пентактиды.

Пятое начало диалектики есть самоименование.

Дианализ складывался долго, примерно с 1975 г., после серии работ о воображении. Сущность метода заключалась в том, чтобы клинический метод анализа состояния больного дополнить иными способами изучения и понимания личности, борющейся с болезнью или сдавшейся ей. В американской психиатрической и психотерапевтической практике похожий метод назывался *дуальным диагнозом* — симптомная и внесимптомная диагностика алкогольной зависимости и других патологических состояний. С самого начала алкоголизм представлялся автору как "болезнь личности", а не "болезнь мозга". В монографии "Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости" [2] описаны четыре модели, с помощью которых можно интерпретировать и понимать алкогольную зависимость: каузальная, клиническая динамическая, личностная, многовариантная. Использование "модельных описаний" и преодоление "голового клинизма" позволили перейти от "клинико-психологического" подхода к дианализу, в котором нет собственных теорий личности, а есть только система организации процесса познания (определения и именованья), система объедине-

ния, интеграции имеющихся знаний из самых разных областей знаний, используемых с целью помощи человеку.

Свобода интерпретаций — первое, чему пришлось научиться автору во время сессий психотерапии с больными алкоголизмом. Если психоанализ, например, дает пациенту свободу "говорить что попало", а аналитику запрещает вообще что-либо говорить, а только слушать и соединять разрозненные высказывания пациента с помощью заданных Учителем схем интерпретаций, то дианалитический метод открывает возможность создавать любые интерпретации. Целью стала не сама интерпретация, которая отражала бы известный комплекс, душевное переживание, симптом, а изменения в поведении и душевной организации, которые наступают благодаря созданной интерпретации. Любая, даже очень интересная или красивая интерпретация всегда была "промежуточной ступенью" к созданию "терапевтической идеи".

Терапевтическая идея — второй момент описываемой системы. Речь идет, конечно, не о какой-то "одной" идее или мысли, которая изменяет существующий порядок (скорее беспорядок) в переживаниях больного, а некоем целостном смысле, сквозном мотиве, стержневой идее личностного существования данного человека, которые способны инициировать необходимые изменения в реальном поведении. Наиболее полное свое выражение "терапевтическая идея" получает в так называемом *целостном образе* (термин Я.Голосовкера, обозначающий смысловое сгущение всех вариаций развития сюжета в системе мифов, в пространстве гипертекста, как выразились бы сейчас). Этот "целостный образ" всех возможных вариаций (альтернатив) собственной жизни легче всего раскрывается в "персональном мифе" пациента. Здесь нужно хотя бы очень коротко обозначить учение о мифе А.Ф. Лосева, которое используется в дианализе. Философ относился к категории "Личность" как одной из важнейших категорий, которая является синтезом категорий "Субъект" и "Объект". Личность есть и субъект действий, и объект воздействий. Сама для себя личность есть "Объект". Все в человеке может стать объектом для размышления, чувствования, восприятия, стремления и т.д. А.Ф.Лосев отрицал гипертрофию субъекта в новоевропейской философии и весьма скептически относился к индивидуализму — основной либеральной ценности. В то же время он признавал необходимость абсолютного самоутверждения личности в вечности, правомерность желания личности существовать в ни от чего не зависящем "светлом бытии". Этот взгляд условно обозначается как *онтологический персонализм*. С этой точки зрения психозфренический бред представляется как труднопознаваемые фрагменты "персонального мифа", которые нуждаются в правильном "скреплении" логикой.

Терапевтическая логика — следующий важнейший момент психотерапии. Один из классических признаков практически любого психического расстройства — нарушение логики мышления, "разрыхление понятий", "сверхценные идеи", "навязчивости", "патогенные идеи" и т.д. Такая "искривленная логика" и толкает человека совершать нецелесообразные поступки и быть непонятым окружающими. "Душевная гниль" — это хорошая метафора разрушения логических, смысловых, понятных связей между частями опыта. Поэтому целью терапии является очищение от "гнили", наполнение жизни пациента новыми смысловыми связями. В дианализе используется диалектическая логика ("логика мифа"), которая наилучшим образом "цементиру-

ет" сложные смыслообразы, личностные воспоминания, планы и фантазии о возможном будущем ("логические скрепы Бытия" по терминологии А.Ф. Лосева). В практике это выглядит как постоянные усилия терапевта к смысловому объединению разрозненных высказываний пациента. О чем бы ни говорил последний, психотерапевт обязательно находит "логическую скрепку" и связывает фрагменты. Если использовать метафору "археология", то можно говорить о технике восстановления разрушенной формы, амфоры, например, по найденным кусочкам.

Непрерывный диалог — следующий принцип психотерапии. Все обсуждается, нет запретов на темы. Пациент в этом смысле — полноправный участник диалога, несмотря на неравноправие в социально-бытовом отношении и разницу ролей. С помощью принципиально бесконечного, в духе М.М. Бахтина, диалога, который только и может создать мост через "бездну непонимания" между людьми, пациент "персонализуется", то есть постепенно переходит, по крайней мере в глазах психотерапевта, из разряда "больных" или "ненормальных" в разряд автономных, независимых и имеющих право выбора личностей. Только диалог конституирует личностное самоощущение. В диалоге человек, можно сказать, вынужден относиться к себе, как к личности, персоне.

Персонализм обычно определяют как попытку поставить личность и личностные отношения на первое место (какой-либо) теории и практики, а также объяснять значения категории "Личность" с помощью различных дисциплин и традиций, включая философию, теологию, политику, социальные и психологические науки, политические и эстетические учения и пр.

Трудно сказать, когда именно начинается история развития персонализма. Некоторые комментаторы начинают отсчет с Сократа, Платона и Аристотеля, хотя именно этот термин ими не использовался в специальном значении. Один из первых, кто дал определение "Личности" был Боэций, христианский философ, автор знаменитого "Утешения философского" (480—534 гг. н.э.). Он определил личность как "индивидуальную субстанцию рациональной природы". К настоящему времени имеются сотни, если не тысячи различных определений личности, большая часть которых представляет собой метафоры. Считается, что наиболее эвристичной в настоящее время метафорой личности является определение Вильяма Шекспира "Мир — театр, а люди — актеры в нем". К психотерапии психозов это имеет непосредственное отношение: для больного "театральными подмостками" становятся собственные представления и фантазии, а не "площадки", "группы", "социум". Задачами психотерапии, таким образом, становятся:

- создание искусственной "площадки" (кабинет психотерапии, биперсональное пространство "врач—пациент", лечебная группа), в которой человек может динамизировать свою психическую жизнь, то есть претворить в безопасной манере свои идеи бытия;

- создание ситуации выбора, в которой человек проходит "крещение личности" (термин персоналиста Мунье — "крещение выбором");

- помощь в перенесении полученного позитивного опыта нормальной жизни из психотерапевтического кабинета ("экспериментальной площадки") в пространство семьи, учебной или рабочей группы — диверсификация личностного капитала;

- расширение зоны реального межличностного общения — дивергенция.

Размеры статьи не позволяют более подробно останавливаться на теме, поэтому вкратце сформулируем основные принципы дианализа:

- диада — создание терапевтических отношений между терапевтом и клиентом;

- диагнозис — познание жизненной ситуации клиента вдвоем, объединенным сознанием, создание терапевтической идеи;

- диалог — терапевтическое средство персонализации спасительной идеи;

- дилемма — терапевтическая процедура создания ситуации выбора, где личность клиента проходит своеобразное "крещение", взрослеет;

- динамика — терапевтическая динамика, реализация идеи, плана выздоровления;

- диалектика — терапевтическая логика, скрепление текучего бытия в целостную смысловую картину необходимых преобразований, сюжета выздоровления;

- диверсификация — терапевтический перенос положительного опыта, полученного в психотерапевтическом кабинете, в другие сферы личностного бытия клиента;

- дивергенция — терапевтическое расширение связей с другими людьми;

- диететика — терапевтическое потребление, здоровое потребительское поведение, рациональное потребление всего, что потребляет человек как личность;

- диатриба — терапевтическое оправдание и защита здорового образа жизни.

Эти выделенные 10 базовых принципов с помощью "пентадного определения" порождают 50 базовых понятий — каждый принцип определяется ("разлагается") пентактидой на пять понятий следующего логического уровня. Данная конструкция, представленная в виде таблицы, является метатеорией и метаязыком дианализа. С ее помощью даются определения важнейших объектов познания и воздействия в психотерапии: психопатология, симптомы расстройств, личность, сознание, творчество, исцеление, самоопределение, техника психодиагностики и психотерапии, пути профилактики и реабилитации патологических состояний и отклонений от нормы и пр.

Как показывает личная практика автора, дианализ является универсальным инструментом консультирования и психотерапии больных с самыми различными проблемами, их родственников, а также здоровых лиц, которым необходимо консультирование по ведению бизнеса и личных дел в сложных обстоятельствах.

В недавно вышедшей книге "Пьющий мужчина" [5] изложен дианалитический подход к проблеме алкогольной зависимости. В первой части книги рассматриваются такие темы, как гордость, власть, миссия, долг. Эти сложные темы и составляют базовую конфликтность и противоречия, из которых человек пытается убежать в состояние опьянения. Вторая часть книги посвящена проблемам освобождения от зависимости. Это освобождение начинается с темы горя. Показано, что в славянском менталитете "сдача" гораздо труднее переживается, чем "горе". Очевидно, и по этой причине "12-шаговая" программа с трудом приживается в России, не говоря уже о свободной трактовке Бога. Следующая тема — сопротивление, в которой описывается дианалитическая техника работы с такими симптомами, как "воспоминания об эйфории". Третья тема — реформа. В ней рассматриваются вопросы

реорганизации всей системы поведения. Последняя глава посвящена философии жизни, которая может защитить бросившего пить от рецидивов.

Основные теоретические положения данного подхода можно изложить в форме тезисов.

1. Смена наркологической парадигмы

Российская наркология уже отметила свой 25-летний юбилей. В момент своего рождения в 1975 г. наркологическая парадигма "алкоголизм как болезнь" была принята научным сообществом. Началась приемка этой парадигмы обществом. Парадигма "болезнь" сменила парадигму "порок и пережиток". Общество приняло парадигму "алкоголизм как болезнь" практически всецело. Алкоголики жаждут, чтобы их лечили любыми доступными средствами — "торпедами", "вшиваниями", "кодированием", "лазерным блокированием", "ферментированием" и пр. К настоящему времени данный подход становится тормозом на пути избавления человека от зависимости. Зависимые от алкоголя люди научились рассуждать о том, что "алкоголизм — такая же болезнь, как грипп или диабет", они научились слагать с себя ответственность за само поведение, направленное на поиск алкоголя.

К 90-м годам стал формироваться другой подход, другая парадигма — "аддиктивное поведение". Это уже не совсем "болезнь", вернее, это — форма "отклоняющегося поведения" [7], которая может стать в конце концов смертельной болезнью, но в своей основе есть и остается до конца жизни именно формой поведения. За свое поведение человек обязан отвечать персонально, без всяких ссылок на "болезнь" и "обстоятельства". Научное сообщество принимает эту парадигму, но не отрицает до конца "алкоголизм как болезнь".

С точки зрения дианализа будущая парадигма алкогольной зависимости может быть обозначена как "незрелая форма религиозности". Речь идет не о старом понимании алкоголизма как замены истинной религиозности на пьянство, как расплату за атеизм, о чем писал Джеймс. Алкогольная зависимость — не расплата за атеизм, она сама по себе и есть форма религиозного опыта. В книге "Пьющий мужчина" (далее ПМ) подробно проанализировано подозрительное сходство христианских ритуалов и постулатов с постулатами и ритуалами зависимых от алкоголя мужчин. Очень часто алкогольное поведение похоже на карикатуру Христа, христианских мучеников, безрассудно верующих.

Очень скоро за счет впечатляющих успехов фармакологии купировать абстинентный синдром (основной признак болезни, интоксикации) будет весьма просто в домашних условиях. Как современные наркоманы научились лечить абстиненцию, так и пьющие научатся снимать многие симптомы "хронической алкогольной интоксикации", уменьшать остроту влечения к алкоголю и прочее. Останется то, на что фармакология повлиять никогда не сможет, — заблуждение ума, вера в абсурдные идеи "улучшения" своей жизни, сознание, мышление с помощью алкоголя. Задачей реабилитации и абилитации будет вернуть человека к нормальной социальной и личной жизни, изменив образ мышления, систему верований, систему личностного самосознания.

2. Алкогольная зависимость — незрелая форма религиозности

Под "религиозностью" здесь понимаются форма и способ организации внутренней жизни личности, организа-

ция символического пространства. Л.Н. Толстой определял религиозность как "понятную философию". Еще раньше Григорий Сковорода в своем учении о "трех мирах" говорил о Библии как о мире символов. Религиозность — это способность "видеть невидимое", верить в недоказуемое или в абсурдное, представлять непредставимое, понимать непознанное и непонятное, общаться с Абсолютом, с которым общаться нельзя по определению, и т.п. Зрелая религиозность есть персоналистическая форма веры в Абсолют, выстраивание личных отношений с Богом как с Абсолютом, полное понимание того, что прямого контакта с Абсолютом нет, а есть только "общение-в-разуме" через символ. Незрелая религиозность есть вера в неведомые силы, к которым можно обращаться напрямую, не как к символу, а как к сущности. Пьющий человек верит в недоказуемые ни его личной практикой, ни общественной практикой, ни исследованиями мифические эффекты алкогольной интоксикации, организует свой внутренний мир с помощью системы верований, ожиданий в "приход" каких-то особых дней и времен. Его система верований и убеждений весьма походит на систему детско-подростковой системы внутренней организации, что зафиксировано в наркологии как похожесть психического облика пьющих на подростковый возраст.

У Омара Хайяма есть такой рубаи:

Когда я трезв, то ни в чем мне отрады нет.

Когда я пьян, то слабеет разума свет.

Есть время блаженства меж трезвостью и опьянением.

И в этом — жизнь. Я прав или нет? Дай ответ.

(Перевод Владимира Державина).

Между трезвостью и опьянением никакого реального промежутка нет — одно состояние переходит в другое. На что же тогда намекает поэт? На символическое пространство, на трансцендентальное промежуточное поле, где "произрастают" мечты, где "толпятся" ожидания, где существуют предвкушения жизни, но не сама жизнь. Этот промежуток блаженства и есть синтез трезвого и безрадостного состояния с неразумным и слабым состоянием опьянения. С точки зрения дианализа — это и есть главный симптом алкогольной зависимости: всевозможные ухищрения ума (заблуждения ума), направленные на поиск логических и эмоциональных связей между двумя различными состояниями сознания — трезвым и пьяным.

Сравним религиозность "оцерковленного" и верующего человека. У него тоже два мира и два состояния: земной мир реальной действительности и "иной мир" (Царство Небесное), которые соединяются духовной работой, работой веры, символом веры, крестом, молитвой, таинствами, обрядами и ритуалами. В своей духовной работе верующий не одинок, он руководим наставниками, он не допускает "отсебятины". Его религиозность "зрелая". (Я спрашивал православных священников о том, насколько они считают свою религиозность "зрелой". Никто не сказал мне, что его религиозность достигает степени зрелости. Все они в пути к зрелой религиозности).

Интерпретация алкогольной зависимости как "незрелой религиозности", развернутая в книге ПМ, объясняет, почему внешние изменения поведения — прекращение употребления алкоголя, упорядочение жизни, переключение на интересную деятельность и прочее — не меняют в корне ничего, а трезвующий алкоголик в любой момент может "сорваться" и вернуться к прежней системе пьянст-

ва. У него не меняется система интеграции "трезвого" и "опьяненного" сознания! Остаются парадоксальные способы соединения несоединимого. Этими "симптомами" он защищает себя от психотического расщепления личности на "трезвую субличность" и "аддиктивную субличность".

3. Алкогольная зависимость — одна из форм привязанности к жизни

Жизнь есть страдание, а страдание происходит из привязанности, так говорил Будда в своих первой и второй благородных истинах. Самая тяжелая (для устранения и освобождения) привязанность есть привязанность к самой жизни, желание жить, жить и жить. Эта последняя привязанность устраняется только смертью. Алкогольная зависимость жестко привязывается к общей витальности человека, к мотивам жизнедеятельности, активности, власти, гордости, миссии, долгу. По сути своей алкогольная зависимость и есть форма жизни в обществе, которое исповедует крайне амбивалентные подходы буквально ко всему, в том числе и к потреблению алкоголя.

Дианализ показывает, что в современном цивилизованном обществе, в котором существует "двойная мораль", "тотальный дуализм", "многополярность", обязательно стремящаяся к биполярности алкогольная зависимость становится способом адаптации человека к символам, которые всегда имеют "двойную" природу. Например, деньги, которые становятся ключевым фактором современной жизни. Деньги — универсальный эквивалент стоимости, универсальный символ жизни и жизненных ресурсов, хотя сами по себе деньги не являются ни жизнью, ни жизненным ресурсом: "деньги есть нельзя". Дефолт 1998 г. показал многим россиянам, что в какой-то момент деньги могут стать просто бумагой. И если у тебя есть только деньги и никакой другой собственности, то в этот момент ты останешься вообще без всего.

Алкоголь для пьющих людей, как это показано в ПМ, становится символом абсолютной власти, абсолютного подчинения, абсолютной любви и пр. Вместо сложных социально-культурных символов ум пьющего довольствуется символическими функциями опьянения, символической алкогольных напитков ("Огненная вода" и пр.). Тем самым и происходит адаптация к противоречиям. Кто не может адаптироваться к противоречиям, не налаживает личную систему обращения противоречий в положительные синтезы, тот "принимает удар" этого агрессивного и противоречивого мира и сам может "расщепиться". В книге "Необъявленная психотерапия" [3] целая глава посвящена роли рекламы в современном мире, развернута "вирусная метафора" рекламы (рекламное сообщение как вирус) и показано, что идеальным гражданином рыночного общества является аддиктивная личность, у которой жизненной силой является покупательная способность: покупая (потребляя), следовательно, существуя!

4. Проблема не в питии, а в невыносимой трезвости

"Трезвость — норма жизни" — изуверский лозунг, придуманный не наркологами, не теми, кто понимал проблему алкогольной зависимости, а политиками, которые хотели сделать карьеру на этой общенациональной проблеме.

Кроме особых случаев "потери контроля" контроль над потреблением алкоголя является прерогативой социа-

льной среды и "алкогольной культуры". Учить людей пить — занятие бессмысленное. Необходимо учить жить в трезвом, противоречивом сознании. Дело в сознании, в его организации, а не в характерах людей. На максимально большой выборке зависимых от алкоголя людей можно показать присутствие всех типов акцентуаций личности, всех типов характеров и всех типов психопатий. Эти характерологические особенности могут только видоизменять форму алкогольной зависимости, но не влияют на становление самой зависимости.

5. Алкогольная зависимость — "полное собрание парадоксов"

Парадоксы мышления — основа алкогольной зависимости. В основе алкогольной зависимости лежит парадоксальность мышления, а не эмоциональные расстройства или влечения человека. Парадоксальное мышление фиксирует алкогольное поведение и эффективно блокирует любую систему помощи. Алкоголик — гений выкручивания из любой системы помощи и контроля. Парадоксальное мышление, которое закладывается между прочим и христианскими догмами — одна из основных тем реабилитации.

Общая проблема пьющих мужчин — избыток ума. "Избыток" нужно понимать функционально. Иной "маленький ум" может стать большой проблемой, если его нечем занять и нечем сдерживать. Так называемый "когнитивный дефицит" при алкоголизме есть проявление парадоксальной логики.

Основной парадокс, к которому рано или поздно приходит любой пьющий, таков: "Выпивка не есть выпивка". Этот парадоксальный вывод близок к тому, к которому пришел Родион Раскольников: "Преступление не есть преступление". Убить старушку-процентщицу не есть преступление. Только парадоксальное, антиномическое мышление позволяет прийти к такому умозаключению. Пьющие люди приходят к парадоксальным выводам не с помощью антиномического, философско-диалектического мышления, а вынужденно, чтобы свести концы с концами. Они одновременно ненавидят алкоголь, который "губит жизнь", и самозабвенно любят алкоголь, который "скрашивает жизнь". Чтобы объединить в одной личности эти противоречия, ум вынужденно создает парадоксы.

Вариант этого парадокса, исследованный в докторской диссертации (В.Ю. Завьялов, 1993) и книге [2], такой: пьющий пытается оставаться "трезвым", получая позитивные эффекты от выпивки. В цветоассоциативном эксперименте маркеры "трезвости", "эйфории опьянения" и "ожидаемые" позитивные эффекты совпадают по своему эмоциональному и личностно-значимому отношению.

6. Борьба не с алкоголем, алкоголизмом и алкоголиком, а с паразитами алкогольной культуры

Дианализ и книга "Пьющий мужчина" защищают личность пьющего от "паразитов сознания" — алкогольных традиций. Алкогольная культура — питейные традиции, установки, суеверия, необоснованная вера в эффекты алкогольного опьянения, алкогольные аксиомы ("лечиться надо водочкой", "не пьет только больной или сволочь", "алкоголик не хочет лечиться", "алкоголизм раз и навсег-